

ХАРАКТЕР КОРРЕЛЯТИВНОСТИ ЕДИНИЦ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КАТЕГОРИИ

Косова В.А.

ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Казань, Россия (420008, Казань, ул. Кремлёвская, 18), e-mail: vera_kosova@mail.ru

Целью статьи является теоретическое осмысление словообразовательной категории русского языка в аспекте способа представления категоризирующего признака. Сделан вывод о том, что специфическим её свойством является соотносительность производящих и производных единиц как особый вид коррелятивности, присущей категориям деривационного плана. В аспекте словообразовательного синтеза соотносительность категории носит потенциальный характер, с чем связано существование в языке регулярных и нерегулярных (с градацией степени этих признаков) словообразовательных категорий. Прояснены предметно-денотативные и логико-понятийные основания регулярности, общие для языковых категорий; установлены её языковые предпосылки для категорий словообразовательных. Результаты работы имеют прикладное значение, в частности для разработки правил активного словообразования в практике преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: словообразовательная категория, русский язык, деривация, коррелятивность, регулярность.

CORRELLATIVITY OF THE UNITS OF THE WORD-FORMATION CATEGORY

Kosova V.A.

Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia (18 Kremlevskaya st., Kazan 420008), e-mail: vera_kosova@mail.ru

The article contains a theoretical analysis of the word-formation category of the Russian language in terms of the way of expressing a categorizing feature. It is concluded that a specific characteristic of this category is the derivation-type correlativity, i.e. that of deriving and derived words. In terms of word-formation synthesis this property has a potential character which explains the existence of regular and irregular (with a degree gradation of these features) word-formation categories in the language. The author explains denotative and logical and notional grounds of regularity that are common for the linguistic categories; determines the linguistic preconditions for regularity in the categories of word-formation. The results of the research have an applicative significance, particularly for the development of active word-formation rules within the practice of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: word-formation category, Russian language, derivation, correlativity, regularity.

Настоящая статья продолжает серию исследований автора [6], объектом которых является словообразовательная категория (далее СК) как основная классификационная единица деривационной системы русского языка. Актуальность её изучения обусловлена высокой ономаσιологической и когнитивной значимостью результатов деривационной категоризации семантики.

Доминантным параметром языковых категорий служит, как известно, характер категоризирующего признака, предопределяющий специфику классов разбиения единиц языковой системы и отношений между единицами категориальных классов. СК отличает от прочих ономаσιологических субкатегорий не столько состав основных компонентов (единицы лексического, морфемного и синтаксического уровней языка характерны также для смешанных типов), сколько специфический характер отношений между ними (деривационная оппозиция, представленная рядами производных и производящих единиц).

Каждое производное слово в составе определённой СК obligatorно содержит в себе указание на производящее, демонстрируя соотнесённость с этим словом как на семантическом, так и на структурном уровне. Целью статьи является теоретическое осмысление СК русского языка в аспекте коррелятивности (соотносительности) её основных единиц как способа представления категоризирующего признака.

По нашему убеждению, наличие обязательной соотносительной связи между основными компонентами СК (производным и производящим словами) не позволяет безоговорочно относить эту единицу, вопреки распространённому представлению, к числу категорий классифицирующих, которые выделяются на основе фиксированного, постоянного для большего количества единиц в составе категории классификационного категоризирующего признака [7]. В аспекте лексико-семантической характеристики подкласса производных слов СК действительно соответствует классифицирующей функции словообразования, которая реализуется в распределении дериватов по типам и категориям. Более специфической для словообразования, однако, является конструктивная функция, состоящая в преобразовании исходных единиц деривации по определённым моделям с целью создания новых языковых знаков с заданным содержанием. Бинарная оппозиция производящего и производного слов, лежащая в основе словообразовательных моделей, отчасти сходна с оппозицией, которая организует модифицирующие категории в традиционном понимании, ср.: «Признак является модифицирующим для некоторого элемента, если ему соответствует элемент другого класса разбиения, отличающийся от первого элемента только значением данного признака» [7].

Выявленное противоречие вскрывает, на наш взгляд, неполное соответствие данной типологической схемы сущности рассматриваемого явления. Сам принцип разделения всех языковых категорий на классифицирующие и модифицирующие представляется недостаточным, поскольку эта типология не учитывает двойственной природы словообразования: с одной стороны, ориентации на лексическую семантику, а с другой – деривационного (модельно-алгоритмического, операционного) характера его механизмов и средств. СК базируется на двух классах номинативных единиц: исходных (мотивирующий класс) и результативных (класс производных, или мотивированных, слов). Количество этих классов и соотносительный, т.е. двунаправленный характер связи их единиц, обусловленные спецификой словообразовательной деривации, строго заданы, в отличие от соответствующих параметров грамматических классов. По характеру категоризирующего признака СК правомерно квалифицировать как соотносительную, в противоположность несоотносительной – лексико-семантической категории. Ономастологическая категория смешанного типа, лексико-словообразовательная, может быть названа в данной системе параметров непоследовательно-соотносительной. Идея подобной типологии

ономазиологических категорий задана классификацией морфологических категорий А.В. Бондарко, в основе которой лежит признак коррелятивности их элементов. В зависимости от характера этого признака морфологические категории подразделены ученым на три типа: последовательно-коррелятивные (падеж существительных), непоследовательно-коррелятивные (вид глагола) и некоррелятивные (род существительных) [2]. Сопоставим в исследуемом аспекте грамматические категории и СК с целью доказательства правомерности проведённой аналогии, во-первых, и высвечивания специфики на этом фоне СК, во-вторых.

Основным критерием грамматической категориальности признано, как известно, свойство обязательности грамматических значений для единиц соответствующего класса, называемого В.А. Плунонгом «областью определения» категории и обладающего особыми характеристиками: «Он должен быть достаточно большим и/или иметь достаточно естественные и хорошо выделимые границы; причём он должен выделяться в языке сразу по многим признакам, а не только потому, что данная категория является для его элементов обязательной» [9]. Область определения грамматических категорий некоррелятивного типа составляют два или более классов лексем, на которые соответствующая часть речи распадается без остатка: в русском языке это, в частности, имена существительные одушевлённые и неодушевлённые; мужского, женского и среднего родов; глаголы переходные и непереходные и т.п. Немногочисленные несоответствия этому делению (например, так называемые существительные общего рода) вполне исчислимы и приводятся в грамматических описаниях языка списком.

Выделение грамматических категорий коррелятивных типов связано с деривационными процессами формообразования в широком смысле слова, включающего в себя также специфически понимаемое словоизменение. Область определения каждой из этих категорий составляет какой-либо один класс лексических единиц (при выделении его формальных подклассов, как например, типы склонения имени существительного или спряжения глагола), функционирующих (грамматически варьирующих) по строгим внутренним законам этого класса.

Последовательно-коррелятивные категории словоизменения, будучи прототипически «чистыми» грамматическими категориями, охватывают наиболее определённые и наиболее широкие лексико-грамматические классы, как правило, уровня части речи (например, категории падежа, числа и рода имени прилагательного). Категории формообразования в узком смысле, также относящиеся к последовательно-коррелятивному типу, опираются на менее объёмные классы слов, которые принято называть лексико-грамматическими разрядами. Так, категория степени сравнения реализуется, например, только у качественных прилагательных, причём само выделение этого грамматически релевантного разряда

ставится в зависимость от свойства обязательности образования форм сравнительной степени у тех или иных лексем [5].

Непоследовательно-коррелятивные грамматические категории, в частности вид русского глагола, выделяются А.В. Бондарко как смешанный тип. В.А. Плуноян, указывая на «преимущественно классифицирующий характер видовых оппозиций» в славянских языках, в противоположность отчётливо словоизменительной категории вида многих языков мира, трактует русский вид как «переходный феномен, отражающий промежуточный тип эволюции словообразовательного значения в словоизменительное, первую ступень его грамматикализации» [9].

Формообразование в целом рассматривается в современной лингвистике как область грамматической (обязательной, реализуемой по регулярным правилам) деривации [7]. Соотносительность основных единиц СК имеет, таким образом, общую с грамматической коррелятивностью природу – деривационную, что и позволило нам распространить признак коррелятивности единиц на типологию СК. Вместе с тем существует принципиальная разница между грамматической и неграмматической коррелятивностью: первая предполагает противопоставленность друг другу граммем в рамках одного и того же лексического значения [2], тогда как словообразовательная соотнесённость объединяет две самостоятельные единицы словаря. С семиотических позиций речь идёт в первом случае о грамматическом варьировании языкового знака, во втором – о знакообразовании. В соответствии с этим область определения СК формируют два базовых класса: исходных единиц (мотивирующий класс) и результирующих единиц (класс мотивированных, производных слов).

Вывод о соотносительности СК сделан на основе ретроспективного анализа класса производных (мотивированных) слов, наиболее важного с позиций результата деривации: сам факт производности слова устанавливается лишь при наличии в языке соотнесённой с ним производящей единицы, которая во многом обуславливает свойства производного. В перспективном аспекте анализа соотносительность единиц СК носит, как правило, потенциальный характер. Это определяется невозможностью жёстко очертить круг базовых для каждой конкретной категории производящих единиц по многим причинам: в силу диахронической природы словообразования, в связи с давлением лексического фактора, по формальным причинам, порождающим так называемые словообразовательные тупики, и т.п. Номинативная деривация осуществляется, таким образом, в соответствии со сложной индивидуально-интегральной нормой деривационной системы и регулируется коммуникативно-прагматическими факторами. И хотя вся совокупность производных слов данного языка возникла благодаря непрекращающемуся с большей или меньшей

интенсивностью процессу словообразовательного синтеза на базе существующих в языке моделей, закономерности этого процесса относятся к разряду труднодостижимых.

Выявление этих закономерностей осложняется неявным составом и свойствами класса мотивирующих единиц в рамках СК. Его параметры устанавливаются в потенциальном регистре, иногда лишь на уровне частеречных, грамматических или лексико-грамматических характеристик. Возможность указать с большей или меньшей определённой семантические границы этого класса (например, какая-либо предметно-тематическая или лексико-семантическая группа) существует далеко не всегда, особенно в сфере мутационного словообразования. Показательна в этом отношении СК 'признак по отсутствию того, что названо производящей основой'. Её мотивирующий класс крайне разнороден семантически и таксономической целостности не обнаруживает, ср.: *дом (бездомный), мера (безмерный), радость (безрадостный), волосы (безволосый), защита (беззащитный), дети (бездетный)* и т.п. Созданные дериватологами комплексные методики направлены на установление системно значимых индивидуальных свойств производящих единиц, как то: частеречная принадлежность; принадлежность к той или иной лексико-семантической группе; принадлежность к тому или иному лексико-грамматическому разряду; наличие тех или иных частных грамматических значений (род, вид и др.); тип финали – консонантный или вокальный; отношение к производности, степень производности; морфемный состав. Обобщение характерных черт производящих основ дериватов одной СК даёт представление о производящей базе данной категории [1].

Разная степень чёткости границ мотивирующих классов, а также разное количество и различие системных свойств сочетающихся с их единицами формантов свидетельствует о различном потенциале моделируемости СК, описываемой в терминах регулярности и продуктивности. В теории словообразования оба параметра получили определение по отношению к словообразовательному типу: его регулярность связывается с повторяемостью формальных и семантических отношений словообразовательно соотнесённых слов, а продуктивность понимается как способность служить образцом для производства слов [10]. Соответственно, продуктивными правомерно считать СК, представленные живыми, продуктивными словообразовательными типами, которые обладают потенциалом порождения новообразований. Однако большее значение в категориальном аспекте дериватологи справедливо придают степени регулярности деривации, считая это свойство классификационной чертой деривационных процессов [7].

Ещё Г.О. Винокур обратил внимание на существование обязательных формально-семантических связей между некоторыми группами слов, метко названных им «принудительными»: такова «соотносительность форм мужского и женского лица, как

например *учитель – учительница, ученик – ученица, китаец – китаянка, пловец – пловчиха* (спортивное) и многие другие», таковы «многочисленные в современном книжном языке образования на *-изм, -ист, -истский* вроде *футуризм – футурист – футуристский, букинизм – букинист – букинистский или букинистический, баптизм – баптист – баптистский* и т.п.» [3]. Деривационная регулярность такого типа, родственная по природе грамматической обязательности, отражает естественные связи предметов и явлений номинируемого мира (*тигр – тигрёнок*: животное – незрелое животное), а также устойчивые логико-понятийные отношения между категориями мыслительного содержания.

Исследователи неоднократно указывали, в частности, на регулярность деривационного выражения пропозициональных отношений. Так, номинативное значение «действовать» естественно предполагает соотносённость данного действия с тем, кто это действие совершает; «эти корреляции в языке регулярны, и именно они соответствуют потенциальным связям мотивированного и мотивирующего смыслов, взаимно предполагающих друг друга в языковой системе в целом» [5]. Регулярность СК будем понимать более специфично: как высокую степень соотносительности единиц базовых классов в перспективном аспекте анализа, т.е. в ракурсе реализации порождающего потенциала исходных единиц номинативной деривации. С этих позиций СК можно разделить в самом общем виде на регулярные и нерегулярные (с уточнением степени того или другого в каждом конкретном случае).

Одним из оснований регулярности СК является закрытость (или относительная закрытость) её мотивирующего класса. Чаще всего это свойство обусловлено денотативно, т.е. предопределено ограниченностью ряда обозначаемых реалий. Так, показателен с этих позиций осуществлённый Л.П. Катлинской анализ дериватов с суффиксом *-ун*, в семантической структуре которых присутствуют дополнительные семантические множители типа *много, сильно, часто, любить*, т.е. признаки интенсивности совершаемого лицом действия. Этим фактором обусловлен запрет на позицию регулярного мотивата в модели для однократных глаголов совершенного вида и глаголов однонаправленного движения. В этом качестве в модели имён деятелей на *-ун* типа *бегун* выступают глаголы активного действия, называющие природно присущие человеку свойства (*хранеть, сопеть, ворчать*). Учёный делает заключение о закрытости мотивирующего класса единиц, поскольку «появление новых процессуально-физических свойств у человека в обозримом будущем не предвидится» [5], и, соответственно, об отсутствии активности этой модели, полностью охватившей мотивирующие языковые единицы с заданной совокупностью свойств. В контексте нашего исследования этот вывод позволяет констатировать существование в современном русском языке регулярной СК наименований лица по склонности к действию или привычному

действию. Центральную нишу этой категории занимают дериваты, образованные по прототипической модели на *-ун*; периферийные словообразовательные типы в составе этой категории организованы на основе моделей с формантами *-ец* (*лжец*), *-аль* (*враль*).

Второй важной предпосылкой регулярности СК является своеобразие выражаемой их единицами семантики: если лексическое значение дериватов строится по аддитивному (суммативному) типу, т.е. равно сумме частей словообразовательной структуры (*дом-ик* – маленький дом) [7], это предполагает возможность регулярной организации категории. Большая группа производных с аддитивной семантикой представлена в языковой системе транспозиционными (по Докулилу) категориями. В русском языке понятию транспозиции (синтаксической деривации) соответствуют прототипические модели категорий отвлечённого действия (*повторять* – *повторение*), отвлечённого признака (*смелый* – *смелость*), признака по отношению к предмету или действию (*лес* – *лесной*; *оправдать* – *оправдательный*) и отадаъективного наречного признака (*далёкий* – *далеко*).

Аддитивным типом семантики в русском языке обладают, кроме того, модификационные категории всех частей речи, поскольку суть модификации при образовании слов заключается в добавлении к значению мотивирующей единицы какого-либо оттенка значения (семы), например единичности (*снег* – *снежинка*). В рамках имени существительного это также, например, категории женскости, невзрослости, субъективной оценки. С данных позиций выявляется неочевидность оснований традиционного отнесения некоторых СК, в частности категории подобия, к числу модификационных [10]. Предметная лексическая семантика дериватов со значением подобия типа *дымка*, *ножка*, *глазок*, *носок*, *кожура*, *побратим* не обнаруживает свойства суммативности (ср.: *дымка* – ‘лёгкая, застилающая пелена чего-л.; неясность, расплывчатость изображения’; *кожура* – ‘внешняя оболочка плода, семени’ и т.п.). СК подобия в русском языке должна быть квалифицирована как мутационная, нерегулярная.

Производные слова такого типа создаются в результате интегративных процессов [7]; их лексические значения не могут быть приравнены к сумме значений производящей основы и форманта (*желток* – не жёлтый предмет, а ‘часть птичьего яйца, окружённая белком’). В других терминах своеобразие подобных дериватов объясняется фразеологичностью (идиоматичностью) семантики, понимаемой как «невозможность (или неполная возможность) синтезировать значение целого из известных значений составных частей или как невыраженность определённой части значения целого его морфологическими составляющими» [4]. Фразеологичность присуща, в первую очередь, категориям имени существительного с предметным значением, поскольку предметная лексика обладает преимущественно идентифицирующей, т.е. многопризнаковой семантикой. Значение

словообразовательного форманта вкуче с семантикой производящей основы не исчерпывает богатства лексического содержания таких дериватов, что указывает на их идиоматичность, ср.: *муравейник, сухарь, пустырь, ельник, капустник* и т.п. Мутационные категории, включающие в себя приведённые отсубстантивные и отадективные дериваты с предметным значением, относятся, следовательно, вопреки высокой продуктивности, к СК нерегулярного типа. Это означает, что продуктивность СК не является свидетельством или условием её регулярности. И напротив, приведённые рассуждения высвечивают значимость в этом аспекте такого фактора, как тип деривационной семантики производных слов: транспозиционный или мутационный характер категориального значения следует считать одним из важнейших условий регулярности СК.

Все выявленные предпосылки регулярности являются взаимообусловленными; каждая из них обладает объяснительной силой только в совокупности с другой (другими). В подтверждение этого вывода рассмотрим ещё одну группу производных с аддитивной семантикой – категорию наименований лица по признаку с суффиксами *-ик, -ец, -як, -чак, -арь* и др.: *старик, наглец, хитрец, холостяк, смиренник, весельчак, дикарь* и т.п. Предикативная лексическая семантика таких производных вполне укладывается в мотивировочную формулу «лицо, характеризующееся признаком, названным производящей основой». При этом, однако, совокупность мотивирующих лексем данной СК, как и любой категории мутационного типа, представляет собой открытый класс: формирующие его имёна прилагательные относятся к нескольким лексико-семантическим группам, не исчерпывая состава последних; системные характеристики имён этого класса во многом определяются аксиологическим, коммуникативно-прагматическим и другими факторами. Рассматриваемая СК, таким образом, не может быть квалифицирована как регулярная, что подтверждается, помимо прочего, неэффективностью попыток найти закономерности сочетания основ прилагательных с перечисленными формантами.

В современном русском языке существуют немногочисленные СК, регулярность выражения деривационного значения которых сходна с грамматической обязательностью. На пересечении этих двух параметров возникли многочисленные трудноразличимые языковые факты, которые разными исследователями в разное время трактовались то как грамматические, то как словообразовательные. Речь идёт о регулярности образования порядковых прилагательных типа *пятый, десятый*; уменьшительно-ласкательных «форм» существительных типа *столик, ножка*; видовых глагольных модификаций и т.п. Отнесение СК такого типа к числу регулярных, «грамматикоподобных», предполагает включение в их формально-семантическое описание правил активного словообразования. Три деривационных класса с такими свойствами: сложные прилагательные (*французско-*

норвежский), «сложно-производные» прилагательные (*трёхметровый*) и производные глаголы с формантом до-...-ся (*догуляться*) – были включены И.А. Мельчуком в грамматику разработанной им языковой модели типа Смысл – Текст; представлены правила, обеспечивающие синтез соответствующих производных лексем [8]. Моделирование регулярных категорий в каждом языке с развитым морфологическим строем – задача чрезвычайно важная, поскольку её решение позволило бы реализовать идею экспликации значимых для практики преподавания русского языка как иностранного правил словообразовательного синтеза, являющегося необходимым звеном речевого механизма.

Обобщим результаты исследования. По способу представления категориального признака СК входит в число языковых категорий коррелятивного типа; с позиций словообразовательного синтеза коррелятивность (соотносительность) производящих и производных единиц носит потенциальный характер. Этот фактор обусловил существование в языке регулярных СК (в том числе опирающихся на обширные классы слов и сближающихся по названным параметрам с категориями грамматическими) и нерегулярных (с варьированием степени того и другого). Выявлены внеязыковые и языковые предпосылки подобной дифференциации; отмечена особая релевантность СК регулярного типа, допускающих разработку правил активного словообразования, для практики обучения репродуктивной речевой деятельности в курсе русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Белякова Г.В. Словообразовательная категория суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – 170 с.
2. Бондарко А.В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.
3. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 419 – 442.
4. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. - М.: Русский язык, 1984. – 152 с.
5. Катлинская Л.П. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 2009. – 174 с.
6. Косова В.А. Словообразовательная категория как макроединица деривационной системы: план выражения // «Фундаментальные исследования» № 10 (часть 4), 2013. - С. 909-913.
URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=10001637

7. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
8. Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл-Текст». – Москва – Вена: Школа «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1995. – 682 с.
9. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 384 с.
10. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1982. – 783 с.

Рецензенты:

Балалыкина Э.А., д.ф.н., профессор, проф. кафедры современного русского языка и методики преподавания ФГАОУ ВПО «КФУ», г. Казань.

Гилязетдинова Г.Х., д.ф.н., доцент, проф. кафедры общей лингвистики, лингвокультурологии и переводоведения ФГАОУ ВПО «КФУ», г. Казань.